

Феномен свободной игры

Культурное возрождение Германии началось сразу же после освобождения от фашизма

Ярче всего это проявилось в Берлине. За годы нацистского господства и Мировой войны берлинцы в прямом смысле слова оголодали по культуре и теперь впитывали ее как губка. Особенным успехом пользовалось все ранее запрещенное – произведения противников нацистского режима, авторов-евреев, иностранных авторов.

Советские оккупационные власти всячески поощряли культурную деятельность. Уже 14 мая 1945 года первый комендант Берлина генерал-полковник Берзарин принял группу видных деятелей культуры – Густава Грюндгенса, Пауля Вегенера, Хайнца Титьена и Эрнста Легала – для обсуждения проблем культурного возрождения. 6 июня была учреждена Палата деятелей искусств во главе с 70-летним беспартийным Вегенером. Среди офицеров советской военной администрации, ответственных за культуру, было немало людей образованных – журналистов, литераторов, германистов и пр. «Они, видимо, считали, что наши грязные души и запятнанные кровью руки смогут очиститься, если мы вновь приобщимся к Гёте и Шиллеру, – вспоминал известный театральный критик Фридрих Луфт. – В этом смысле в них было что-то почти миссионерское». Болеслав Барлог, первый интендант берлинского Шлосспарк-театра, также полагал, что полноценной духовной жизнью русские стремились оталечь немцев от нацизма. Сами они, по его словам, «несли любовь к искусству в крови».

Уже 13 мая в столице состоялся первый публичный концерт – Берлинский камерный оркестр играл в зале шенебергской ратуши. За ним последовали другие – симфонические, вокальные, опереточные. Почти во всех концертах исполнялись вещи композиторов-евреев после долгого, 12-летнего перерыва. В таких случаях, по воспоминаниям очевидцев, в залах стояла особенная тишина. Восторг публики заражал и подстегивал исполнителей, которым из-за отсутствия общественного транспорта приходилось нередко везти свои инструменты в детских колясках или приезжать с ними на роликовых коньках.

Импровизированные театры и театрики возникали как грибы после дождя. Уже к осени 1945 года число ходатайств об открытии перевалило за 400. Фридрих Луфт вспоминает: «В гаражах, заброшенных кинотеатрах, сараях, неиспользуемых конюшнях давались театральные представления. У кого-то находился текст, случайно уцелевший от нацистов или бомбежек». Особо ценились тексты запрещенных ранее авторов – Гейне, Брехта, Рингельнаца, Тухольского. Пауль Вегенер обратился к берлинцам с призывом предоставлять сохранившиеся тексты взаймы. Множество безработных актеров с готовностью разыгрывали их.

Люди изголодались по радости и смеху. Общественная потребность привела к возрождению кабаре, которыми Берлин славился в 20-е и начале 30-х годов. Первым открылось знаменитое некогда «Кабаре комедиантов», представившее ревю «Берлин возвращается». Вскоре число заявок на открытие кабаре, варьете и других развлекательных заведений достигло невероятной цифры – 1000! Особой популярностью пользовались «Фемина», «Плаза», «Вечером у Максима».

Стали открываться и большие стационарные театры – драматические, оперный. Берлинцы часами стояли в очередях за билетами и не меньше времени тратили на дорогу до театра и обратно. Поскольку общественный транспорт по вечерам не ходил, а с 22 часов действовал комендантский час, спектакли начинались ранее обычного.

Театры знакомили зрителей с драматургами, о которых в годы культурной изоляции Германии от остального мира те не имели представления, – Гоголем, О'Нилом, Кокто, Сартром, Цукмайером. Артистов щедро одаряли аплодисментами, не слишком придираясь к качеству исполнения. «Дорог был сам по себе феномен свободной игры», – вспоминает писательница Хильда Шпиль.

Театральный ренессанс развивался на фоне страшных разрушений, голода и холода. Люди, стекавшиеся по вечерам на культурные мероприятия, в течение дня потопчены были одной заботой – раздобыть где-то и как-то еду и топливо. Юрочане крали овощи с полей, уголь с железнодорожных платформ, ставили силки на птиц, собирали грибы – всегда с рюкзаком за спиной и сумкой в руках, готовые подобрать все, что может содиться. «Я мечтала об одном – что когда-нибудь смогу бродить по лесу или парку с поднятой головой, не глядя под ноги в вечном поиске», – вспоминает журналистка и писательница Дойчкрон.

С 15 мая 1945 года берлинцам стали выдавать продовольственные карточки. Рационы были, естественно, скудными – в среднем от 600 до 800 калорий в день. Людям всегда хотелось есть, и неудивительно, что реплика героя «Трехгрошовой оперы»: «Сначала жратва, потом мораль» – встречалась аплодисментами. Это едва не привело к закрытию спектакля советскими властями. В конечном счете обошлось строгим указанием артисту произносить эту фразу «менее подчеркнуто».

Условия работы театров были тяжелыми – не хватало буквально всего. Характерно объявление, появившееся однажды над окошком кассы Шлосспарк-театра: «Входной билет – за гвозди». Таким путем, рассказывал генеральный интендант театра Барлог, удалось сколотить нужные для спектакля декорации (доски разыскивали в развалинах зданий). «Нестандартными» методами добывались костюмы, кулисы и прочий реквизит.

Зимой входной билет можно было приобрести за брикет угля. Поскольку многие театральные залы не отапливались, температура там падала ниже нуля, и у артистов шел пар изо рта. Зрители сидели завернувшись в одеяла, подняв воротнички, натянув шапки на уши и сунув ноги в мешки. Чтобы привлечь публику, театры и кино подчас оповещали: «У нас топят» (это становилось возможным, если военная администрация подкидывала угля).

Однако, как отмечает Дойчкрон, несмотря на все трудности и лишения, «редко где-либо и когда-либо проявлялось столько воли к жизни и столько надежды».

Самсон МАДИЕВСКИЙ

Культур. – 2003 – 15 – 21 мая. – с. 15